

Александр Зорич

Похороны крокодила

Часть сборника
У солдата есть невеста
(сборник)

Александр Зорич

Похороны крокодила

«Автор»

2006

Зорич А.

Похороны крокодила / А. Зорич — «Автор», 2006

В этом рассказе нет ни гномов с волшебными топорами, ни инопланетян с бластерами, здесь всё «взаправду» (если не считать того, что всё выдуманно). Отдел рыбы и морепродуктов рядового супермаркета, ничем не выдающиеся герои – разнорабочий Саша, менеджер этажа Арина, а такжедохлый вьетнамский крокодил, баловень сердобольных продавщиц, которого надобно непременно похоронить... Каждый раз, когда я, обегая супермаркет с хромированной тележкой, останавливаюсь возле стены аквариумов, во мне просыпается скрытый буддист: глядя на сонные движения стаи карпов, я вспоминаю о смерти, о безысходности сансары и о предвечном свете нирваны, об истинном бытии, которое, конечно, и есть Бог. Зрелище, надо признать, к тому склоняет – ведь нет символа красноречивей красивейшины-сома, беспечно ожидающего своей очереди быть выловленным, взвешенным и съеденным... В общем, перед вами рассказ о сокровенном смысле обреченности – рыбы, крокодила, любовного чувства и нас, небогатых и неудачливых узников современного города.

© Зорич А., 2006

© Автор, 2006

Александр Зорич

Похороны крокодила

рассказ

Было утро. Марина Сергеевна, уборщица, явилась на работу с опозданием – подвел троллейбус, сел, голуба, на ледовую мель.

С жестяным упорством покорителей восьмитысячников брела она через сугробы к родному супермаркету. Ночной снег только начали кое-как чистить. Шаркали об асфальт сонные еще дворничьи лопаты.

Опасливо поглядывая на часы, она выкатила телегу с инвентарем на середину секции рыбы и морепродуктов и принялась оглядывать витрины, стойки, холодильники – все ли в порядке.

Вообще-то, ее сменщица Нона по вечерам убирала на совесть. Но все может стать – тут на стекле сверкнет беглая чешуйка, там жирная полоса перечеркнет хромированный прилавок...

Старший менеджер Богдан будет с инспекцией ровно через три минуты. К моменту его появления все должно быть идеально. Марина Сергеевна беспокойно вертела седой головой. Что за день!?! Сначала этот снег, потом ревматизм разыгрался, тут оказалось, из подсобки исчезли ее персональные совок и веник... С тяжелым вздохом она сняла с тележки химически синюю бутылку распылителя со средством для мытья стекол, вынула чистую сухую тряпку – с ними она чувствовала себя увереннее.

Сладенькая музыка полилась, потекла из динамика – до открытия «Сытый-сити» осталось десять минут.

Хлопотливый взгляд Марины Сергеевны скользнул по длинному стеклянному саркофагу с рыбой горячего копчения, он плавно перетекал в холодильник, загруженный филе и нарезками. Поднялся к стене с аквариумами. В самом большом из них серела грозовой тучей обреченная община зеркальных карпов. Едва ли сыщется более унылое и в плохом смысле слова более экзистенциальное зрелище, нежели это.

Невольничий рынок уже проснулся и шамкал ртами, а вот черные угри по соседству еще видели речные сны, свернувшись кольцами на мутно-желтом донном стекле своей выгородки, в то время как длинномордый крокодил... А вот крокодила не было.

«Неужто вчера-таки купили?»

Но сердце Марины Сергеевны подсказывало ей: что-то неладное произошло, неправильное.

Она принялась, вдумчиво втягивая воздух, как делают в фильмах следопыты.

В секции пахло тоской, скандалом, горем – как в домах престарелых или гримерных некоторых, сто лет не ремонтировавшихся, театров.

Нервно сжав губы, она пшикнула распылителем в пространство перед собой. Зачем – не понятно.

– Ну-с, что тут у нас? – мягкой поступью к Марине Сергеевне приближался Богдан, в уважаемом пиджаке, дивной с широким воротом итальянской рубашке и дешевом галстуке-приблуде. Его красивые голубые глаза глядели хищно, но как бы через силу, хотелось даже сказать «торчали» – перед выходом из дома он выпил слишком много кофе, силясь сменить ночную рифму «пабы-клубы-бабы» на какую-нибудь к слову «порядок».

– Чистота, Богданчик. Только вот крокодил... Куда подевался-то?

На лбу менеджера образовались две озабоченные складки.

Он достал из кармана мобильный, набрал номер. Долго не отвечали. Богдан чертыхнулся и набрал еще раз. Наконец повезло.

– Ариша? Спишь? Чего? Ах, простудилась... Плохо... Лечись там... Слушай, у меня тут вопросик один. Куда зеленого девали? Ну, крокодила. Что? А-а... Ты это серьезно? Ну ничего себе! Жжёте! А я подумал, что сбежал... – Богдан гаденько хохотнул.

Он спрятал трубку в карман и растерянно уставился в пол – мысль нехотя распихивала добытые сведения по дырявым карманам мозга.

– Что там сказали? – поинтересовалась Марина Сергеевна, подобострастно заглядывая в кое-как выбритое лицо начальника. – Продали голубу?

– Умер. Представляете?

Труп обнаружили вечером.

Зеленые глисты цифр электронных часов акробатически изгибались, показывая начало двенадцатого – «Сытый-сити» был пятнадцать минут как закрыт.

По-гусиному вытянувшись к складному зеркальцу, поставленному на витрину – там, в морозных глубинах, зернилась разновсяческая икра – прехорошенькая Галинька, она была уже в дубленке, возила по верхней губе восковым пальцем гигиенической помады.

Она дожидалась Женю, которая сдавала отчетность, чтобы вместе с ней идти к автобусу.

Не то чтобы идти в одиночку было опасно – микрорайон слыл приличным, хорошо освещался, да и улица производила впечатление людной, но такова была традиция. Галинька и Женя считались подругами.

Увлажненные губы призывно заблестели и Галинька удовлетворенно сложила помаду в косметичку.

Женя все не шла.

«Опять опоздала, копуша. Небось, теперь там очередь на сдаче. А может Богдан решил проповедь прочесть, чтобы потом ему в кабаке веселей гулялось...» – вздохнула Галинька, извлекая из косметички голубой карандаш.

Раз есть время, можно и глаза накрасить.

Зачем прихорашиваться на ночь глядя (Галинька незаконно жила в женском общежитии Текстильного техникума, сразу по возвращении с работы она смывала косметику и, даже не поужинав, ложилась спать) было непонятно. Но Галинька привыкла доверять своей интуиции, а она, голосом старшей сестры – та еще в начале девяностых перебралась в Москву и теперь служила в салоне красоты – говорила: так правильно.

«Вероятно, она красится, чтобы осимволить Великое Освобождение, с которым у нее ассоциируется всякий конец рабочего дня. Это как пострижение новобранцев или молодых монахов, только наоборот...» – подумал проходящий мимо разнорабочий Саша. Он медленно грохотал тележкой, полной мороженных минтайных обрубков.

Смугленькое веко Галиньки послушно замерло, голубой карандаш прочертил длинную жирную стрелку.

Теперь левое.

Галинька примерилась... Как вдруг в карманном зеркальце, двустворчатая раковина которого как будто затаилась, чтобы вот-вот цапнуть девицу за нос, мелькнул желтый аквариум, точнее, акватеррариум, с единственным в экспозиции крокодилом. Одну третью часть составляла сухая пластиковая площадка, куда крокодил кое-как выбирался по ночам, чтобы порычать, поскрести когтями. Привычным взглядом Галинька окинула датчики – фильтр работает, температура воды 24, воздух – 35 градусов... Как во Вьетнаме.

Хозяин вольеры, молодой вьетнамский крокодил, лежал на дне, как обычно.

Нет, не как обычно.

Брюхом вверх!

Галинька громко вскрикнула, вскочила со своего вертящегося стула.

– Ты чего, Галка? – встревожено поинтересовалась Женя, трогая ее за плечо.

– Посмотри же! Там, вон! Что ли, сдох?

Женя повернулась к аквариуму.

– Ну... да. Ужас какой...

– И что теперь?

– Наверное, похороны, – пожал плечами Саша, его крупной лепки ироничное лицо, обросшее двухдневной щетиной, блестело от трудового пота.

Но в этой Сашиной шутке не оказалось никакой шутки.

В секции рыбы и морепродуктов собрался народ.

Все еще в дубленках, Галинька и Женя походили на жен-мироносиц из баптистской брошюры. Они стояли ближе всех к аквариуму, излучая скорбное спокойствие.

За ними, оплывая от усталости как большая новогодняя свеча, расположилась продавщица из кондитерского Серафима, немолодая, неповоротливая женщина, всяким торговавшая на своем веку. Эпоха обэхаэса, с ее редкими, но оттого тройне грозными расстрельными делами, борьбой против несунов, «особо крупными размерами» и прочим народным контролем наложила на Серафиму печать непроходящего испуга. Выражение ее увядшего лица навело Сашу на мысли о гримасах гибнущих внезапной насильственной смертью – оно было недоумевающим и одновременно мазохистически-радостным.

Серафиму придерживала за талию уборщица Нона – бесправное существо родом из грузинского села. Когда-то их названия заволаживали даже дьявольски требовательного поручика Лермонтова, теперь же не умели запомниться картографу.

С той же стороны витрины, что и Саша, стоял, поигрывая брелоком от машины (он никогда не упустил случая уточнить – «иномарки»), охранник, отставной майор Молоштанов. Крючковатый нос, мелкие бесцветные глаза, волосы в ушах.

Поодаль теребила пачку дамских сигарет Арина, менеджер этажа. Время от времени она изменяла позу, чтобы дать отдохнуть своим натруженным ногам, переобутым уже для улицы в теплые сапожки на высоком каблуке.

Остальных Саша, работавший в «Сытый-Сити» только четыре месяца, совсем не знал.

Все по-разному молчали, вглядываясь в мутную воду аквариума с покойником.

«Гражданская панихида», – усмехнулся Саша.

– Товарищи, что делать будем? – воззвала Серафима, оборачиваясь. На собраниях трудового коллектива супермаркета она всегда что-то предлагала – сказывалась советская выучка.

– Ну... как это что? Закопаем!

Галинька зачем-то всхлипнула.

– А по ведомости проведем как «браковку», – задумчиво заметила старший кассир.

– Не получится. При браке нужно оформлять возврат, – сказала очкастая девушка из бухгалтерии. – А эта «Гортензия-Альфа», которая нам животное поставила, уже месяц как самоликвидировалась, директор вообще в розыске...

– Тогда оформим как «порченный».

– Теоретически можно. Только если будет проверка, с меня за «порченного крокодила» снимут премиальные... Скажут, неправильные у тебя, Шарова, шутки.

– Можно сделать, чтобы его купили, – предложила Женя.

– Да кто его дохлым купит? Его и живым-то никто не покупал...

– Почему, предыдущего же купили, – возразила Галинька.

– То случайность была. Такие фраера, с фантазией, нынче редкость... – Молоштанов улыбнулся своему воспоминанию, сверкнул золотой зуб.

Эту популярную историю – про фраера с фантазией – Саша уже слышал. Некий бизнесмен привез купленного в «Сытый-Сити» крокодила на стрелку с контрагентами, думал удивить. Поскольку он приехал раньше, сдал спортивную сумку с тварью в гардероб ресторана. Пока то да се, крокодил выбрался, довел до апоплексического удара лысого метрдотеля и принялся за сонную кухонную челядь... Его ловили габардиновым чехлом от дивана под улюлюканье и свист официантов, а потом, озлобившись, палили в болотно-серую тушку из газовых пистолетов, пока она не затихла на фальшивых булыжниках декоративного камина. Происшествие попало в газеты.

– Вы не поняли, – настаивала Женя. – Можно в складчину его купить, а потом похоронить. И тогда проблем не будет в отчетности.

– Ты что! Такие деньги... Я лично возражаю! – заявила Серафима. – По справедливости, пусть начальство покупает. Завтра надо Богдану сказать.

Все промолчали, соглашаясь с Серафимой.

– Он, кажется, уже вонять начал...

– По-любому похоронить надо. Все-таки зверь... И, между прочим, антисанитария! А то как инспекция?!

– Похоронить, говорите? Имейте в виду, фройляйн, температура за бортом минус двадцать два! – возвестил Молоштанов. – За три часа яму не выроешь! Когда мы в Ямало-Ненецком...

– В контейнер с мусором – и вся недолга, – сказал Саша.

На него посмотрели так, будто он только что предложил испражниться в директорский сейф. Нет, хуже. Коллеги глядели на Сашу, как древние индийские отшельники-аскеты, живущие одними пранаямами, должно быть, глядели на лесных дикарей, питающихся сырым мясом – со смесью отвращения и жалости.

– Вы что, Александр! – взвизгнула Галинька.

– Об этом не может быть и речи! – поддержала ее Женя. – Мы его страшно любили! Я лично ему давала птицу, особенно он непотрошеную любил, и чтобы неошипанную... Рыбу ему давала, даже крысу один раз, ничего для него не жалела... Он такой был маська! Нет, его обязательно надо похоронить. По-нормальному. В земле! Разве это не понятно?

«Может еще и место на четвертом кладбище приобретем? Скинемся на мраморное надгробие. Или, чего там, сразу на бронзовую фигуру – рептилия присела на задние лапы, напряглась для рывка в Вечность...» – но на этот раз Саша благоразумно промолчал.

– Оно-то может и правильно. Только где взять эту землю при минус двадцать два? А снега-то, снега, между прочим, полметра!

– Да вот хотя бы на «Заре», возле теплиц, – предложила кассир. – Я заметила, там земля всегда теплая, черная, трубы везде проходят.

«Зарей» назывался тепличный комбинат, им владел тот же холдинг, что держал «Сытый-Сити». Там выращивали помидоры, огурцы и перцы, которыми круглый год торговала овощная секция. Овощи с «Зари» приходили бледные и плюгавенькие, какие-то недоношенные, не чета турецким и особенно египетским, глянцевым и мясистым. Но девчонки из овощной, с подачи Богдана, принялись рекламировать их как «экологически чистые», «без химии». Продажи пошли – ничто так не тешит русского человека, как подражание европейским бзикам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.